

ОСОБЕННОСТИ НЕТИПОВОЙ ИНТЕРИОРИЗАЦИИ
ОСЛОЖНЕННЫХ МНОГОЗНАЧНОСТЬЮ
ОМОНИМОВ НЕРОДНОГО ЯЗЫКА
(НА ПРИМЕРЕ СООТНОШЕНИЯ СЛОВА
«ПРЕДЛОЖЕНИЕ» С СООТВЕТСТВУЮЩИМИ ЕМУ
СЛОВАМИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКЕ ЙОРУБА)

Problems of Atypical Interiorization of Multi-Valued Omonyms
of the Non-Native Language (based on the Relation of the Word
“Предложение” to its Corresponding Words in English and Yoruba)

Ирина Михайловна Некипелова
irina.m.nekipelova@mail.ru

Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашикова
(Ижевск, Россия)

Светлана Михайловна Минасян
infoccs.edu@gmail.com

Российский государственный профессионально-педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

Ереванский государственный университет, Иджеванский филиал
(Иджеван, Армения)

Irina M. Nekipelova
irina.m.nekipelova@mail.ru

Kalashnikov Izhevsk State Technical University (Izhevsk, Russia)

Svetlana M. Minasyan
infoccs.edu@gmail.com

Russian State Vocational Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
Yerevan State University, Ijevan Branch (Ijevan, Armenia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 22.04.2021

Fecha de evaluación: 07.12.2021

Cuadernos de Rusística Española n° 17 (2021), 117 - 133

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена изучению процесса интериоризации как собственно языкового действия, заключающегося в перемещении заданного внешнего знания в виде элементов изучаемого языка во внутреннее языковое знание индивида в процессе освоения им неродного языка. Языковая интериоризация предполагает освоение обучающимся новой языковой реальности, воспринимаемой им через призму родного языка или языка-посредника путем их сопоставления, то есть выявления сходств и различий между

ними. В ходе исследования были проанализированы языковые данные, в словарях, и их употребление в конкретных контекстуальных условиях, а также выявлены некоторые причины, осложняющие языковую интериоризацию, среди которых особо отмечены неравный семантический объем слов в изучаемом и родном языках, функционирование омонимов, осложненных множественными коннотациями, а также вовлечение в ситуацию иных слов, формирующих семантическую сеть со множественными зонами вибрации. Был сделан вывод, что несовпадение языковых структур родного и неродного языков снижает эффективность освоения нового языка, делая интериоризацию нестабильной, а обращение к языку-посреднику и к родному языку обучающегося помогает преодолевать причины низкого уровня интериоризации.

Ключевые слова: языковая интериоризация, причины низкого уровня языковой интериоризации, межкультурная коммуникация, когнитивная лингвистика.

ABSTRACT

The article is devoted to research of interiorization process as a linguistic action which involves the intended external knowledge transfer in terms of the target language elements into the inner linguistic knowledge of an individual in process of non-native language learning. Linguistic interiorization suggests that a student learns a new linguistic reality by perceiving it through the prism of his or her mother language or an interlanguage via their comparison, that is, revealing similarities and differences between them. The research includes the analysis of the language data recorded in dictionaries and their use in the particular contextual conditions. Based on the analysis presented, the author identifies some causes that complicate the linguistic interiorization. Among these reasons, the author calls the unequal semantic volume of words in the studied and native languages, the functioning of homonyms complicated by multiple connotations, and the involvement of other words forming a semantic network with multiple vibration zones. It was concluded that incongruity of the linguistic structures in mother and non-native languages reduces effectiveness of the new language learning, making interiorization unstable. In this case, referring to a mediator language and a mother language helps overcome the reasons for low level of internalization.

Keywords: linguistic interiorization, reasons for low level of language interiorization, cross-cultural communication, cognitive linguistics.

ВВЕДЕНИЕ

Язык, являясь сферой социального пространства, в котором существует индивид, принадлежит обществу, то есть группе людей, разделяющих его. Он является важным способом познания и освоения человеком действительности посредством непрямого опыта. Следовательно, формируемое в рамках языка речевое действие становится социальным действием человека и представляет собой результат осмысления и принятия им понятий, заложенных в языке, а также результат его умственной операции с языковым знаком. В вопросах изучения языка как феномена человеческой деятельности все более актуальными становятся исследования в области когнитивной лингвистики, связанной с проблемами формирования сознания индивида, то есть познания, осмысления и принятия им знаний о мире, выраженных в том или ином языке.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Особую роль в познании человеком мира играет *языковая интериоризация*. В целом *интериоризация* понимается как превращение внешнего социального действия во внутреннее, то есть «заимствование из общественного сознания понятий, категорий,

представлений, образующих структуру личных взглядов индивида» (Дюркгейм 1914), когда «общественное сознание переносится в индивидуальное» (Janet 1963) и формируются «идеалы, являющиеся интериоризацией внешних требований общества» (Fromm 1941). Таким образом, *интериоризация* — это «движение от мысли к слову» (Выготский 1982: 161), «замещение вещей знаками, формирующими общую структуру мышления и новое умственное действие» (Выготский 1960). Постепенное преобразование внешнего действия происходит как «превращение его во внутреннее действие, теперь уже полностью протекающее в уме» (Леонтьев 1972: 386), приводящее к тому, что «в результате поэтапного формирования умственных действий индивид производит умственные преобразования» (Гальперин 1999), а также «добывает и использует новые схемы действия» (Брунер 1977), под которыми можно также понимать выведение внутренних языковых форм во внешние. *Интериоризация*, таким образом, — это процесс, формирующий сознание человека и определяющий способы его взаимодействия с людьми. Этот процесс рассматривается в рамках «концепции развития личности как особой целостности, которое осуществляется только при единстве двух процессов: внешнего — социального, и внутреннего — личностного» (Пушкарева 2015: 35).

В современной науке этот термин актуален в исследованиях, проводимых на стыке психологии, педагогики и лингвистики. Зарубежные исследователи рассматривают интериоризацию как термин психолингвистики, где он используется для объяснения «дискурсов, которые пациенты производят во время психотерапии» (Dimaggio, Hermans 2006), и определяется «способностью различных аспектов "я" вести диалог друг с другом» (Dimaggio, Hubert, Lysaker 2010). Сам язык при этом как «воспринимаемая и адресуемая форма является предметом интериоризации, затрагивающей высшие умственные функции» (Bertau 2010). В отечественной науке термин *интериоризация* используется при описании национально-культурного своеобразия оригинального текста (Залевская 2005), при анализе «межкультурной коммуникации в процессе понимания реципиентом инокультурного текста» (Сорокин 1994) и «культурных пространств» (Шварко 2014). При этом процесс интериоризации, воспринимаемый как «возможность понимания и возможность присвоения знания» (Шварко 2014: 93), «не является однозначным: одни и те же знания разные люди передают в несовпадающих по форме текстах, и при смысловом восприятии одного и того же текста у разных реципиентов возникают неидентичные мысли» (Пищальникова 2010), а «коммуникация никогда не оказывается просто передачей идеи из головы одного индивида в голову другого» (Шоттер 1996: 107). Таким образом, акцент в исследованиях делается на восприятии и принятии человеком структур и элементов иных, отличных от его родной и привычной культуры культур.

Научная новизна предложенного исследования заключается в попытке рассмотреть интериоризацию не только как процесс, формирующий понимание национально-культурного текста, выраженного на языке, и своеобразия социальной среды, отраженной в нем, а как процесс, реализующий непосредственно языковую активность человека на коммуникативном и когнитивном уровнях. *Языковая интериоризация* понимается нами в этом плане как процесс внутреннего принятия человеком изучаемого им языка в результате осмысления новой для него языковой реальности. Необходимость введения в научный оборот термина *языковая интериоризация*

связана с пониманием того, что формирование у человека языковой компетенции на том или ином языке происходит в результате присвоения внешних языковых данных и их преобразование из внешней явной формы во внутреннюю — сжатую и неявную с потерей или без потери информации, ее деформацией и искажением или нет. Этот аспект является актуальным в исследовании проблем, связанных не только с выявлением проблемных зон и особенностей межкультурной коммуникации, но и с уточнением и улучшением методик обучения иностранному языку.

В данном исследовании речь идет об эффективности усвоения обучающимися лексических единиц изучаемого языка, являющихся выражением структуры иностранного языка, отличной от привычной им структуры родного языка. В этом случае, если принимать во внимание, что «любой язык носит антропоцентрический характер, а система языка является не реальным, а мыслимым единством» (Некипелова 2013: 123), и что «язык – это когнитивная модель, определяющая мышление человека и одновременно определяемая им» (Некипелова 2015: 146), следует говорить о соотношении глубины интериоризации изучаемого языкового материала и степени овладения неродным языком, поскольку, как известно, только мышление, осуществляемое на том или ином языке, является свидетельством знания этого языка. Результатом внутренней интеллектуальной деятельности следует считать принятие и осмысленность употребления обучающимся единиц изучаемого языка, ранее не существовавших в его мышлении.

В процессе обучения русскому языку граждан зарубежных стран — носителей других языков, были выявлены проблемы, связанные с употреблением и соотношением обучающимися омонимичных языковых единиц родного и изучаемого языков, в связи с чем возникла необходимость выявить и исследовать некоторые причины, осложняющие языковую интериоризацию при освоении несовпадающих единиц языков, имеющих разную функциональность в процессе обучения, и показать на конкретных языковых примерах случаи интериоризации, требующие от обучающегося глубокой интеллектуальной деятельности. Для этого были проанализированы языковые данные, зафиксированные в словарях, а также их употребление в конкретных контекстуальных условиях.

Для выявления причин, осложняющих интериоризацию, и ее низкого уровня нами были взяты в сопоставлении русский язык в качестве изучаемого языка, язык йоруба в качестве родного языка обучающегося и английский язык в качестве языка-посредника, а в качестве языковой ситуации, рассматриваемой в данной статье, — лексические единицы английского языка и языка йоруба, вступающие в отношения с русским словом *предложение*. Такой выбор был обусловлен тем, что у всех носителей йоруба в процессе обучения русскому языку в Ижевском государственном техническом университете им. М.Т. Калашникова и Ереванском государственном университете возникали проблемы в освоении этой лексической единицы и контекстов ее употребления, что в совокупности со многими другими аналогичными языковыми ситуациями существенно снижало уровень языковой интериоризации обучающихся.

Статья является продолжением исследования, посвященного процессам языковой интериоризации и экстериоризации, представленного в других научных публикациях, например (Некипелова 2021: 541-529) и посвящена прояснению особенностей

нетиповой (то есть касаемой освоения одной лексической единицы без возможности объединения ее с другими лексическими единицами) интериоризации омонимов неродного языка, осложненных многозначностью, на примере функционирования слова *предложение* в русском языке в сопоставлении со словами, соотносящимися с ним, в английском языке и языке йоруба для последующего объяснения некоторых когнитивных процессов, происходящих в мышлении иностранца, осваивающего русский язык как неродной, и проблем, возникающих в условиях осуществления им живой коммуникации на русском языке. Выводы, представленные в статье, касаются всего проанализированного авторами языкового и речевого материала, а доказательства, представленные на примере употребления одной лексической единицы — русского слова *предложение*, являются выражением общих тенденций, имеющих место в процессе интериоризации в целом. Это значит, что выводы, сделанные в отношении данного слова, распространяются и на другие языковые единицы, взятые в аналогичных условиях омонимии, осложненной многозначностью, и исследованные нами, однако оставшиеся в силу объективных причин за пределами данной статьи.

Материалом исследования послужили:

- 1) наблюдения, сделанные в процессе обучения носителей языка йоруба как родного русскому языку, обучавшихся в Ижевском государственном техническом университете им. М.Т. Калашникова и Ереванском государственном университете в период с 2005 по 2021 годы;
- 2) наблюдения за речью и допущенными в ней ошибками в употреблении омонимов, осложненных многозначностью, сделанные в процессе обучения носителей языка йоруба как родного русскому языку и общения с ними в том числе в живых, не ограниченных учебной аудиторией условиях, в период с 2005 по 2021 годы, а также за сложностями, возникавшими в процессе их коммуникации с носителями русского языка как родного, их систематизация и анализ;
- 3) объяснения обучающихся русскому языку как иностранному проблем, которые они испытывают в процессе производства речи на русском языке;
- 4) языковые данные трех языков: русского языка как изучаемого языка (*target language*), языка йоруба как родного для обучающихся языка (*source language*) и английского языка как языка-посредника (*intermediate language*), представленные в словарях и соответствующие структурам рассматриваемых языковых систем;
- 5) контекстуальные условия употребления слова *предложение* и слов, соответствующих ему во всех его значениях, в английском языке и языке йоруба.

В исследовании использовались следующие методы:

- 1) метод проблемно-ориентированного поиска, позволяющий использовать данные других наук для более полного представления и понимания языковых процессов интериоризации, а также обеспечивающего возможность переноса теоретических знаний (языковые данные, зафиксированные в словарях) на

практику (примеры возможных контекстов и спонтанная речь в условиях живой коммуникации) для последующего их анализа;

- 2) сопоставительный метод, позволяющий исследовать и описывать русский язык через его системное сравнение с английским языком и языком йоруба с целью прояснения его специфичности и выявления различий между сравниваемыми языками: родным языком, изучаемым языком и языком-посредником.

Авторами исследования сделана попытка сопоставить языковые данные, зафиксированные в словарях, с данными полученной ими ранее речевой практики, выраженной в коннотативных условиях функционирования омонимов, осложненных многозначностью, и данными, полученными при анализе спонтанной речи на русском языке людей — носителей языка йоруба как родного и русского языка как неродного, что позволило посмотреть на процесс интериоризации следующим образом: узнавание языковой единицы (данные словарей — это прежде всего перевод на родной язык и объяснение значения слова) → осмысление коннотативных условий ее употребления (контексты, в которых языковая единица может быть употреблена без изменения и искажения смысла высказывания носителями русского языка как родного) → построение высказываний, содержащих искомую языковую единицу (живая спонтанная речь, производимая (кодируемая) носителем русского языка как неродного – в данном исследовании языка йоруба).

ИССЛЕДОВАНИЕ

Особые случаи интериоризации связаны с освоением омонимов и многозначных слов, употребление которых зависит от контекста, в этом случае необходимо говорить о нетиповой интериоризации, поскольку здесь интериоризация происходит в условиях, касающихся употребления одного, отдельно взятого слова со всеми его внутренними семантическими связями (созначениями и коннотациями). Так, русское слово *предложение* интересно тем, что оно представлено омонимами, связанными между собой стабильными лексико-семантическими отношениями, которые, ко всему прочему, осложнены многозначностью. Рассмотрим, в каких значениях могут быть использованы эти омонимы и на каком основании происходит распадение основного значения на созначения, актуальные для того или иного контекста: **1. предложение** (здесь и далее значения русских слов даны по: Большой толковый словарь русского языка // Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2014. 1536 с.): **1)** *к предложить: предложение услуг, помощи, перемирия; 2)* то, что предложено, предлагается: *высказать, отклонить, принять предложение; рационализаторское предложение* (изложение способа усовершенствования производственного процесса, какого-л. механизма и т. п.); **3)** *просьба мужчины, обращенная к женщине, вступить с ним в брак. Сделать предложение. Отвергнуть предложение. Недурное предложение. Она не спешила принимать предложение; 4)* (экон.) *поступление товаров на рынок. Предложение превышает спрос. Равновесие между предложением и спросом. Закон спроса и предложения; 2. предложение: 1)* (лингв.) *высказывание,*

являющееся сообщением о чем-либо. *Простое, сложное предложение; 2)* (лог.) суждение. Первое и второе значения первого омонима различаются не столько в лексико-семантическом, сколько в семантико-грамматическом плане и соотносятся друг с другом по принципу выражения действия и результата действия. Третье и четвертое значения имеют самостоятельный лексико-семантический характер и употребляются в конкретных узнаваемых контекстах. Как видно, значения второго омонима связаны с более узкой, чем значения первого омонима, и достаточно конкретной сферой деятельности людей.ск433

Одним из соответствующих русскому слову *предложение* является английское слово *offer* (здесь и далее значения английских слов даны по: Cambridge Advanced Learner's Dictionary (Cambridge University Press, 2008, 1699 p.): **1**) the act of asking if someone would like to have something or if they would like you to do something (вопрос о том, хотел бы кто-то сделать что-то или хотел бы он, чтобы вы что-то сделали): «*I must say the offer of two weeks in Hawaii is very tempting*» (англ.); «*Я должен сказать, что предложение провести две недели на Гавайях очень заманчиво*» (рус.); «*Mo gbòdò sò pé ìpèsè ore òfè' oṣe méjì ní Hawaii jé idánwò rírò*» (йоруба); **2**) a reduction in the usual price of something, usually for a short period (снижение обычной цены на что-либо, обычно на короткий период): «*Don't miss out on our latest offer*» (англ.); «*Не упустите наше последнее предложение*» (рус.); «*Máṣe pàdánù ìpèsè wa tuntun*» (йоруба). В американском варианте английского языка представлены следующие значения слова *offer*: **1**) a situation in which someone asks if you would like to have something or if you would like them to do something (ситуация, в которой кто-либо спрашивает, хотите ли вы иметь что-либо или хотите ли, чтобы кто-либо что-либо сделал): «*The company made me a job offer and I accepted it*» (англ.); «*Компания сделала мне предложение работать, и я его принял*» (рус.); «*Ilé-iṣe nàà pèsè iṣe fún mi, mo sì tẹwó gbà á*» (йоруба); еще примеры: «*I took up his offer of help with my presentation*» (англ.); «*Я принял его предложение помочь мне с презентацией*» (рус.); «*Mo gba ìpèsè irànlowó rẹ̀ pèlú igbèjádé mi*» (йоруба); **2**) an amount of money that someone is willing to pay for something (сумма, которую кто-либо готов заплатить за что-либо): «*A Japanese investment bank has already made an offer for the company*» (англ.); «*Японский инвестбанк уже сделал предложение для компании*» (рус.); «*Ilé-ìfowópamó idóko-òwò Japanese kan ti ṣe ifilòlẹ̀ tẹ̀lẹ̀ fún ilé-iṣe nàà*» (йоруба); **3**) an occasion when someone says they would like to buy a property at a particular price (ситуация, в которой кто-либо предлагает купить недвижимость по определенной цене) (property): «*We were ready to complete the deal when we got another offer*» (англ.); «*Мы были готовы завершить сделку, когда получили другое предложение*» (рус.); «*A ti ṣetán láti parí àdéhùn nàà nígbàtí olùtjà nàà tún gbà ìpèsè míràn*» (йоруба); еще примеры: «*They made an offer on a house downtown*» (англ.); «*Они сделали предложение купить дом в центре города*» (рус.); «*Wón ṣe ififúnni lóri ilé kan ní àarín ilú*» (йоруба); **4**) an occasion when a company makes new shares available for sale, or the number of shares offered (ситуация, в которой компания предлагает купить акции) (finance): «*The offer of \$22.50 per share was profitable*» (англ.); «*Предложение \$22,50 за акцию было выгодным*» (рус.); «*Ìpèsè \$22.50 fún ipín kòṣkan jé èrè*» (йоруба); **5**) a reduction in the usual price of something, usually just for a short period of time (снижение обычной цены на какой-либо продукт,

обычно на короткий период времени) (marketing): «*This superb offer is available for a minimum two days*» (англ.); «*Это превосходное предложение доступно как минимум два дня*» (рус.); «*Ìpèsè nlá yì wà fún ó kéré tán ojó méjì*» (йоруба). Уже не уровне сопоставления британского и американского вариантов английского языка видно несовпадение созначений слова *offer*: в британском варианте английского их два, а в американском варианте — пять. Первое значение британского слова *offer* совпадает с первым значением американского, второе — с пятым; второе, третье и четвертое значения американского варианта остаются за пределами слова *offer* в британском английском, следовательно, семантическое поле слова *offer* в американском варианте является более широким, чем в британском.

Анализ контекстов английского, русского языков и йоруба показывает, что английскому слову *offer* (во всех его созначениях), соотносящемуся с русским словом *предложение* в первом и втором значениях и имеющему более широкое за счет развившейся многозначности значение, соответствуют три слова в языке йоруба — *ìpèsè*, *ìfilólẹ̀* и *ìfífúnnì*, имеющих более узкое и детализированное значение. Слово *ìpèsè* употребляется в том случае, если предложение было сделано одним человеком, слово *ìfilólẹ̀* — если предложение было сделано группой людей или компанией, слово *ìfífúnnì* — если было сделано предложение о покупке. Более того, слово *ìpèsè* имеет также значение «принесение жертвы богам» или «жертвоприношение», которое отсутствует у русского слова *предложение*, но может быть у английского слова *offer* (это значение является контекстуальным, оно зафиксировано в словарях): «*Njé a lè ẹ̀ ipèsè fún àwọn òrìṣà?*» (йоруба), «*Can we make an offer to the gods?*» (англ.); «*Можем ли мы принести жертву богам?*» (рус.).

Таким образом, наблюдается следующее лексико-семантическое соответствие: *предложение* (+ *жертвоприношение*) (рус.) = *offer* (+ «жертвоприношение» как контекстное значение) (англ.) = *ìpèsè* (+ «принесение жертвы богам» как языковое значение), *ìfilólẹ̀* и *ìfífúnnì* (йоруба). Подобное неточное соответствие лексических единиц родного, изучаемого и языка-посредника создает ситуацию, осложняющую процесс интериоризации. Русское слово *предложение*, обслуживающее все представленные в анализе контексты, ставит обучающегося в затруднительное положение понимания деталей ситуации. Для русского языка и русской культуры совершенно незначимыми оказываются факторы, имеющие огромное значение для человека, говорящего на йоруба: делается ли предложение одним человеком или группой людей; за пределами коммуникации остается также предложение о покупке. В связи с этим у обучающегося оказывается нереализованной потребность в выражении запроса информации о количестве людей, делающих предложение, и, как результат, внутренне неудовлетворение от того, что он не может выразить свою мысль в полной степени. Известное высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «спрос определяет предложение и наоборот предложение определяет спрос» (Маркс, Энгельс 1961: 209) является калькой с немецкого языка, в котором слово *предложение* также имеет созначение «предложение о покупке», и в переводе на русский точно понимается только в контексте. Вне узкого экономического контекста оно дает широкое понимание ситуации.

Ситуация интериоризации осложняется также в данном случае и тем, что в отношении слов, составляющих анализируемую языковую ситуацию, вступает русское слово *жертвоприношение*, являющееся в русском языке автономной единицей

с уникальным лексическим значением, которое в английском языке частично соотносится со словом *offer*, а в йоруба полностью соотносится со словом *ìpèsè*. Таким образом, формируется лексико-семантическая сеть с размытыми границами и зонами вибрации — зонами перехода значения от одной языковой единицы к другой: *ìpèsè* (йоруба) → *offer* (+ *sacrifice*) (англ.) → *предложение* + *жертвоприношение* (рус.). Под зонами вибрации мы понимаем зоны пересечения созначений и совпадения значений двух или нескольких разных лексических единиц, то есть возникновение ситуации, когда несколько лексических единиц могут употребляться в одном и том же значении в совпадающем контексте, то есть одна лексическая единица в качестве одного из своих созначений принимает значение или созначение другой лексической единицы и возникают ситуации совпадения этих двух лексических единиц посредством их нейтрализации в контексте. Эта ситуация, в частности, возникает в данном случае в английском языке, когда слова *offer* и *sacrifice*, имея различные значения, совпадают в значении «жертвоприношение, принесение жертвы богам» и могут взаимозаменяться в ряде контекстов: "*Human sacrifice was a religious activity throughout Mesoamerica*" и "*Human offer was a religious activity throughout Mesoamerica*".

Появление зон вибрации придает интериоризации проблемный характер и объясняет причины попытки носителей языка йоруба как родного, в том числе хорошо знающих английский язык, приписывать русскому слову *предложение* несвойственное ему значение «жертвоприношение, принесение жертвы богам» и использовать его в несвойственных ему контекстах: «*Предложения были частью религиозной культуры древних людей*» вместо «*Жертвоприношения были частью религиозной культуры древних людей*». Анализ речи людей, говорящих на йоруба, показал также, что в некоторых случаях с целью минимизации языковых усилий обучающиеся склонны, даже зная слово *жертвоприношение*, игнорировать его в речи, не запоминать его и не употреблять, потому что, опираясь на родной язык и на английский язык, считают, что слова *предложение* и *жертвоприношение* взаимозаменяемы.

Дальнейший сопоставительный анализ показывает, что русскому слову *предложение* в первом и втором значениях соответствует также английское слово *suggestion*: **1**) an idea, plan, or action that is suggested or the act of suggesting it (идея, план или действие, которые предлагаются, или сам процесс предложения): «*She made some helpful suggestions but her boss rejected them all*» (англ.); «*Она внесла несколько полезных предложений, но ее начальник отверг их*» (рус.); «*Ó dàmòràn tí ó wúlò ùgbón Ògá rẹ kọ gbogbo wọn*» (йоруба); еще примеры: «*They didn't like my suggestion that we should all share the cost*» (англ.); «*Им не понравилось мое предложение, что нам следует разделить стоимость*» (рус.); «*Wọn kò fẹràn àbá mi pé gbogbo wa ní láti pín ìdíyelé náà*» (йоруба); **2**) communication of an idea without stating it directly (передача идеи без непосредственного ее выражения): «*the suggestion of his guilt*» (англ.); «*предположение его вины*» (рус.); «*aba ti ebi rẹ*» или «*arosinu ti ebi rẹ*» (йоруба); **3**) a very small amount of something (очень небольшое количество чего-либо): «*a suggestion of an Irish accent*» (англ.); «*намек на ирландский акцент*», «*признак ирландского акцента*» (рус.); «*àbá ní Ìpèdè Irish*» (йоруба). В американском варианте английского языка предлагаются следующие значения слова

suggestion: 1) an idea, possible plan, or action that is mentioned for other people to consider (идея, план или действие, которые предлагаются для рассмотрения): «*She made helpful suggestion on how to cut our costs*» (англ.); «*Она выдвинула полезные предложения, как сократить наши расходы*» (рус.); «*Arábinrin nàà dá àbá irànlówó lóri bí a še lè dín àwọn ìdiyelé wa*» (йоруба); 2) something that shows the existence of something but is not obvious (что-то, что указывает на существование чего-то неочевидного): «*Police said there was no suggestion of foul play*» (англ.); «*Полиция заявила, что не было никаких признаков нецензурной брани*» (рус.); «*Ọlọpàá sọ pé kò sí àbá eré àbùkù*» (йоруба). Итак, первое, что показывает анализ, — это более широкое значение слова **suggestion** в британском варианте английского, а также некоторое расхождение второго и третьего значений в британском варианте английского языка со вторым значением в американском варианте.

Если говорить о сопоставлении русского, английского языков и йоруба, то следует отметить, что английскому слову **suggestion** в его основном значении соответствует одно русское слово **предложение** (в первом и втором значениях) и четыре слова в йоруба — *dámòràn*, *imòràn*, *àbá* и *igbèrò*. Слово *dámòràn* употребляется, если кто-то выдвигает идею, *imòràn* — если кто-то высказывает свое мнение с целью его последующего обсуждения, *àbá* — если кто-то выдвигает предложение, отличающееся от уже высказанного ранее. Однако в некоторых контекстах предпочтительнее употреблять слово *igbèrò*. Оно используется тогда, когда говорящий только задумывается от том, чтобы что-то сделать. Это значение не представлено ни в русском, ни в английском языках. Кроме того, второе значение слова **suggestion** в британском варианте английского языка связано сетевыми отношениями со словами **assumption** в английском языке, **предположение** в русском языке и двумя словами в йоруба — *aba* и *arosinu*. Слово *aba* можно перевести на русский язык двумя разными словами — **предложение** и **предположение**, так же, как и на английский — **suggestion** и **assumption**, а слово *arosinu* полностью совпадает в переводе со словами **предположение** и **assumption**. Этот языковой факт объясняет причины, лежащие в основе проблем, которые возникают у носителей языка йоруба как родного, не всегда успешно выбирающих для производства речи на русском языке слова **предложение** и **предположение** в процессе языковой конвертации с родного языка на изучаемый.

Итак, среди факторов, осложняющих восприятие новой языковой единицы, следует назвать существенное расширение семантического объема слова, представленного в родном языке, по сравнению со словом, представленном в изучаемом языке. Эта ситуация требует переосмысления обучающимся языкового мировосприятия и поиск им иных лексико-семантических средств, необходимых для более точного выражения задуманной мысли. Осложнение интериоризации во многих случаях, с которыми мы имели дело в живой речевой практике, представлено во внутреннем отказе обучающегося от использования изучаемой языковой единицы, особенно тогда, когда он находит иные, более успешные и привычные для него способы выражения мысли, которым он начинает отдавать предпочтение и которые, захватывая речевое пространство говорящего, становятся для него предпочтительными.

Если продолжать сопоставительный анализ, то можно увидеть, что русскому слову **предложение** в первом, втором и третьем значениях соответствует английское

слово **proposal** (в отношении этого слова расхождений между британским вариантом английского и американским не наблюдается): **1**) a suggestion, sometimes a written one (предложение, иногда высказанное в письменной форме): «*Congress has rejected the latest proposal put forward by the president*» (англ.); «*Конгресс отклонил последнее предложение, выдвинутое президентом*» (рус.); «*Ilé aṣòfin ìjòba tí kò iwé-àkòsì tuntun tí a fì síwájú nípasẹ̀ Ààrẹ̀*» (йоруба); еще примеры: «*There has been an angry reaction to the government's proposal to reduce unemployment benefit*» (англ.); «*На предложение правительства сократить пособие по безработице последовала гневная реакция*» (рус.); «*Ihà ibínú ti wà lóri iwé-àkòsì ìjòba láti dín ànfàní aláìnisé kù*» (йоруба); еще примеры: «*There was anger at the proposal that a UN peacekeeping force should be sent to the area*» (англ.); «*Предложение направить в этот район миротворческие силы ООН вызвало гнев*» (рус.); «*Ibínú wà lóri iwé-àkòsì tí ó yé kí elétò-àláfíà UN nàà fi rànṣẹ̀ sí àgbègbè nàà*» (йоруба); еще примеры: «*Have you read Steve's proposals for the new project?*» (англ.); «*Вы читали предложения Стива насчет нового проекта?*» (рус.); «*Njé o ti ka iwé-àkòsì Steve fún iṣẹ̀ idáwólé tuntun nàà?*» (йоруба); **2**) an offer of marriage (предложение о вступлении в брак): «*I want you to accept my proposal of marriage*» (англ.); «*Я хочу, чтобы ты приняла мое предложение руки и сердца*» (рус.); «*Mo fẹ́ kí o gba igbèrò igbèyàwò mí*» (йоруба).

Из анализа контекстов видно, что английскому слову **proposal** соответствует одно русское слово **предложение**, в том числе в значении «просьба мужчины, обращенная к женщине, вступить с ним в брак» и три слова в языке йоруба: **iwé-àkòsì**, **ibínú** и **igbèrò**. Первое значение слова **proposal** имеет более детализированный характер и распадается на два созначения, которые относятся к разным словам в йоруба. Слово **iwé-àkòsì** употребляется в том случае, если предложение высказано в письменной форме и содержит определенные запросы, которые необходимо выполнить. Слово **ibínú** употребляется в случае, если письменный документ содержит информацию о том, что еще только планируется сделать. Слово **igbèrò** имеет значение, совпадающее со вторым значением слова **proposal**, и используется в случае, когда речь идет о предложении вступить в брак. Однако, как было показано ранее, слово **igbèrò** также соотносится с английским словом **suggestion** в значении «выдвижение предложения подумать о том, чтобы что-то сделать». Следовательно, в языке йоруба нет самостоятельного слова, соответствующего английскому слову **proposal** в значении «предложение о вступлении в брак» и русскому слову **предложение** в значении «просьба мужчины, обращенная к женщине, вступить с ним в брак». В этом случае можно наблюдать некоторое сужение семантического объема слова **igbèrò**, что также может осложнять языковую интериоризацию. В частности это касается национально-культурной специфики, различающейся в понимании людьми — носителями разных языков, событий и явлений мира: для представителей культуры йоруба предложение о замужестве — это действительно ситуация выбора, в которой отказ рассматривается как вполне приемлемый ответ наряду с согласием, поскольку у людей этой культуры до сих пор существует традиция вступать в брак по сговору, то есть мужчина делает предложение, имея возможность содержать жену (или несколько жен), наличие чувств при этом не является актуальным фактором. В русскоязычной и англоязычной культурах предложение о замужестве имеет особые условия реализации, в основе которых преимущественно лежит убежденность в принятии предложения: мужчина делает предложение, имея

основания полагать, что женщина примет его предложение и не ответит отказом в силу наличия у ней романтических к нему чувств. Следовательно, как показал анализ, на успешность или неуспешность интериоризации влияет национально-культурная специфика условиях, в которых сформировалась личность обучающегося, и условий, в которые он попал, осваивая новый язык. Картина мира, выраженная в том или ином языке и разделяемая говорящими на этом языке, в преимуществе своем становится основой картины мира личности как носителя этого языка, выйти за пределы которой человеку помогает в том числе другой язык. Однако для этого выхода необходимо, чтобы знания о мире, заложенные в изучаемом языке, были поняты и внутренне приняты обучающимся.

Продолжая сопоставительный анализ, следует отметить, что русскому слову *предложение*, омонимичному предыдущему слову в нашем исследовании, соответствует английское слово *sentence*: **1**) a group of words, usually containing a verb, that expresses a thought in the form of a statement, question, instruction, or exclamation and starts with a capital letter when written (группа слов, выражающих мысль в форме высказывания): «*He's very impatient and always interrupts me mid-sentence*» (англ.), «*Он очень нетерпеливый и всегда прерывает меня на середине предложения*» (рус.), «*Kò ní sùúrù, ó sì n má n jálu òrò mí*» (йоруба); еще примеры: «*Your conclusion is good, but the final sentence is too long and complicated*» (англ.), «*Ваш вывод хорош, но последнее предложение слишком длинное и сложное*» (рус.), «*Ìkàádí rẹ́ dára, sùgbón gbólóhùn ikẹhìn tí gùn jù, ó sì rújú*» (йоруба); **2**) a punishment given by a judge in court to a person or organization after they have been found guilty of doing something wrong (наказание, назначенное судьей в суде лицу или организации после того, как они были признаны виновными в совершении преступления): «*He got a heavy sentence*» (англ.), «*Ему был вынесен тяжелый приговор*» (рус.), «*Ìkàádí rẹ́ dára, sùgbón gbólóhùn ikẹhìn tí gùn jù, ó sì rújú*» (йоруба); еще пример: «*The offence carries a prison five-year sentence*» (англ.), «*Преступление влечет за собой тюремное заключение сроком на пять лет*» (рус.), «*Èşẹ́ nàà gbani ní èwọ̀n ọ́dún m̀áàrún*» (йоруба); еще пример: «*He was given a suspended sentence*» (англ.), «*Ему дали условный срок*» (рус.), «*Ó gba ìwọ̀n èwọ̀n tí a dá dúró*» (йоруба). В американском варианте английского языка можно наблюдать следующие значения: **1**) a group of words, usually containing a subject and a verb, expressing a statement, question, instruction, or exclamation, and, when written, starting with a capital letter and ending with a period or other mark (группа слов, выражающих мысль в форме высказывания): «*Your sentences are too long and complicated*» (англ.), «*Ваши предложения слишком длинные и сложные*» (рус.), «*Àwọ̀n gbólóhùn ọ́rò rẹ́ gùn púpọ̀, ó sì dijú*» (йоруба); **2**) a punishment given by a law court to a person or organization that is guilty of a crime (наказание, назначенное судом лицу или организации, виновным в совершении преступления): «*She served a three-year prison sentence*» (англ.), «*Она отбыла трехлетний срок лишения свободы*» (рус.), «*Ó (otobinrin) şe èwọ̀n ọ́dún m̀éta*» (йоруба). Из анализа словарных статей и контекстов можно увидеть, что второе значение слова *sentence* в британском варианте английского языка шире второго значения, представленного в американском варианте.

В целом английское слово *sentence* имеет два принципиально различных для русского языка значений, и поэтому оно соответствует в зависимости от контекста

русским словам *предложение* (завершенная по смыслу единица текста), а также *срок, заключение, приговор*. Эти слова не могут быть взаимозаменяемыми в русских контекстах. В языке йоруба используются четыре слова, соответствующие английскому слову *sentence*: слово *òrọ̀ mí* используется в значении «высказывание, законченная мысль», *gbólóhùn* — в значении «группа слов, выражающих мысль в форме высказывания», слово *ìwọ̀n* – в значениях «наказание», «срок заключения» и «приговор», однако если есть указание на точный срок заключения, тогда следует использовать слово *ẹ̀wọ̀n*. В этом случае сложность интериоризации связана с формированием лексико-семантической сети, состоящей из слов русского языка и языка йоруба, использование которых во взаимозаменяемых контекстах оказывается невозможным, что, однако, не касается английского языка.

Из представленных примеров словарных статей и сопоставления контекстов видно, каким сложным является соотношение искомых слов в трех исследуемых нами языках. Двум омонимичным словам русского языка соответствуют четыре слова в английском языке и тринадцать слов в йоруба. Все это не может не сказаться на процессе освоения изучаемого языка и процессе интериоризации нового языкового знания. С одной стороны, в этом отношении освоение русского языка как иностранного может не представлять сложностей, особенно в производстве речи, потому что в любом из описанных контекстов говорящему следует употреблять слово *предложение*. С другой стороны, особые сложности неизбежно будут возникать при восприятии русскоязычной речи в связи с тем, что в этом случае требуется особое понимание ситуации и, как следствие, ее детализация и уточнение контекстуальных условий. Восприятие некоторых высказываний приводит к недопониманию, поскольку соотносится с различными ситуациями, имеющими более частное выражение в других языках. Интериоризация в данном случае, как правило, протекает сложно и медленно, поскольку сформированная привычка детализировать ситуацию неизбежно создает у обучающихся, по их словам, ощущение недостаточности в изучаемом языке языкового материала для выражения своих мыслей, что в определенной степени осложняет процесс интериоризации. Добиться качественной интериоризации в данном случае достаточно сложно, поскольку слова имеют пересекающиеся значения и могут употребляться во взаимозаменяемых контекстах, а их лексическое значение раскрывается в словарях отчасти путем отсылки друг к другу.

Следует также отметить, что использование языка-посредника в подобных ситуациях как упрощает за счет более точного соответствия русскому языку, так и осложняет языковую интериоризацию за счет неравного лексико-семантического объема слов, представленных в английском, изучаемом (русском) языке и родном языке обучающегося (йоруба).

ВЫВОДЫ

Таким образом, в ходе исследования были получены новые данные и подтверждены данные, полученные нами в исследовании употребления других омонимичных единиц, позволяющие говорить о том, что интериоризация является длительным процессом, сложности которого определяются во многом несопадением

структур, представленных в родном, изучаемом и языке-посреднике. Среди некоторых причин, осложняющих языковую интериоризацию, можно назвать следующие:

- 1) соотношение полисемантических слов изучаемого языка и омонимичных слов родного языка: в этой ситуации обучающийся вынужден соотносить слова родного языка с отдельными словами и их значениями, не всегда являющимися эквивалентными, в языке-посреднике и в изучаемом языке;
- 2) неравное количество коннотаций, представленных в изучаемом языке, языке-посреднике и родном языке:
  - изучаемый язык не охватывает все коннотации и значения, представленные в родном языке: в этой ситуации обучающийся испытывает нехватку способов языкового выражения мысли в связи с недостаточностью и дефицитом формализованной в изучаемом им языке языковой реальности;
  - изучаемый язык предлагает большее количество коннотаций и значений по сравнению с родным языком: в этом случае за пределами интериоризации зачастую оказываются новые для обучающегося коннотации, не проявленные в его родном языке, это связано с тем, что обучающийся в меньшей степени готов использовать абсолютно новую для него языковую действительность, чем ту, которая совпадает с уже знакомой ему по родному языку;
- 3) включение в языковую ситуацию, состоящую из соотносимых друг с другом слов, лексических единиц более далекого порядка, частично или условно по некоторым коннотациям пересекающихся с искомыми словами: в этом случае слова, вступающие в сетевые отношения, начинают расширять языковую ситуацию, делая ее границы размытыми и создавая зоны вибрации, в которых одно значение может частично обслуживать две и более не соотносящиеся напрямую языковые единицы;
- 4) национально-культурное расхождение в понимании действительности, актуальное для формирования в языке омонимичных и многозначных слов.

Все, сделанные авторами выводы общего характера, подтверждаются анализом языковых и речевых данных других языковых единиц, детальный анализ употребления которых не включен в данную статью. Полученные в ходе исследований результаты позволили выявить общие тенденции и закономерности процесса языковой интериоризации омонимов, осложненных многозначностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование является важным в понимании причин, осложняющих процесс интериоризации, то есть перевода внешнего нового языкового знания, принимаемого обучающимся вместе с новой для него языковой реальностью, во внутреннее. Преподавателю, обучающему иностранному языку, как, впрочем и русскому человеку, вступающему в коммуникацию с носителями языка йоруба, не всегда бывает понятно, с чем связаны затруднения обучающегося в освоении той или иной языковой единицы или блока единиц. Обращение к языку-посреднику

и к родному языку обучающегося может помочь преподавателю не только понять причины низкого уровня интериоризации, но и преодолеть их.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bertau, M.-C. (2010): “The Meaning of voice for the process of interiorization”, *Tätigkeitstheorie*, 1, pp. 9–20.
- DIMAGGO, G., HERMAN, H.J.M. (2006): “Changing the dialogue between self voices during psychotherapy”, *Journal of psychotherapy integration*, 16(3), pp. 313–345.
- DIMAGGO, G., HUBERT, H.J.M., LYSAKER, P.H. (2010): “Health and adaptation in a multiple self: The role of absence of dialogue and poor metacognition in clinical populations”, *Theory & Psychology*, 20, pp. 379–399.
- FROMM, Er. (1941): “*Escape from freedom*”. Holt, Rinehart and Winston: New York. 305 p.
- JANET, P. (1963): “*L’Intelligence avant le langage*. Paris, Flammarion, Bibliothèque de philosophie scientifique”. 292 p.
- АХУТИНА, Т.В. (2004): “Л.С. Выготский: культурно-исторический и естественно-научный подходы к интериоризации”, *Вестник Московского университета*, 14, с. 41–56.
- БРУНЕР, Дж. (1977): “*Психология познания. За пределами непосредственной информации*”. Москва: Прогресс. 413 с.
- ВЫГОТСКИЙ, Л.С. (1960): “*Развитие высших психических функций*”. Москва: Издательство Академии педагогических наук РСФСР. 500 с.
- ВЫГОТСКИЙ, Л.С. (1982): “*Собрание сочинений*”, 1. Москва: Педагогика, 488 с.
- ГАЛЬПЕРИН, П.Я. (1999): “*Введение в психологию*”. Москва: Университет. 332 с.
- ДЮРКГЕЙМ Э. (1914): “Социология и теория познания”, *Новые идеи в социологии*, 2, с. 27–67.
- ЗАЛЕВСКАЯ, А.А. (2005): “*Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды*”. Москва: Гнозис. 542 с.
- ЛЕОНТЬЕВ, А.Н. (1972): “*Проблемы развития психики*”. Москва: Изд-во МГУ. 576 с.
- МАРКС, К., ЭНГЕЛЬС, Ф. “*Сочинения*”. Т. 25, ч. 1. М: Государственное издание политической литературы, 1961. 554 с.
- НЕКИПЕЛОВА, И.М. (2013): “Конвергенция и дивергенция субъективных языков и их статистическое распределение в формировании объективного языка”, *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 4 (23), I, с. 123–126.
- НЕКИПЕЛОВА, И.М. (2015): “Язык и речь: рост и истинность информации”, *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2 (44), I, с. 146–148.
- НЕКИПЕЛОВА, И.М. (2021): “Соотношение многозначных слов изучаемого и родного языков как особый случай языковой интериоризации”, *Ruski jezik u digitalnom okruženju u vrijeme pandemije / Urednica Irena Mikulaco. Iz-davač: Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Hrvatska, Pula*, с. 541-529.
- ПИЩАЛЬНИКОВА, В.А. (2010): “*Современные парадигмы языкознания*”. Москва: АСОУ, ИНИОН РАН. 172 с.
- ПУШКАРЕВА, Т.В. (2015): “Проблема интериоризации знаний в психолого-педагогической науке”, *Современные проблемы науки и образования*, 1-1, с. 35–45.

- СОРОКИН, Ю.А. (1994): “Лакуны и процесс моделирования образа этнической культуры и психологии”, *Материалы X всероссийского симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации*. Москва: Изд-во РАН. Институт языкознания, с. 144–156.
- ШВАРКО, Л.И. (2014): “Психолингвистические факторы, определяющие понимание инокультурного текста”, *Вестник Алтайской государственной педагогической академии*, 21, с. 93–97.
- ШОТТЕР, Дж. (1996): “Бахтин М.М., Выготский Л.С.: интериоризация как «феномен границы»”, *Вопросы психологии*, 6, с. 107–117.

BIBLIOGRAPHY

- AKHUTINA, T.V. (2004): “L.S. Vygotskij: kul'turno-istoricheskij i estestvenno-nauchnyj podhody k interiorizacii” (“L.S. Vygotsky: cultural, historical and natural-scientific approaches to interiorization”), *Vestnik Moskovskogo universiteta (Bulletin of Moscow University)*, 14, pp. 41–56.
- Bertau, M.-C. (2010): “The Meaning of voice for the process of interiorization”, *Tätigkeitstheorie*, 1, pp. 9-20.
- BRUNER, Dzh. (1977): “*Psihologiya pozvaniya. Za predelami neposredstvennoj informacii*” (“*Psychology of cognition. Outside the immediate information*”). Moscow, 413 p.
- DIMAGGO, G., HERMAN, H.J.M. (2006): “Changing the dialogue between self voices during psychotherapy”, *Journal of psychotherapy integration*, 16(3), pp. 313–345.
- DIMAGGO, G., HUBERT, H.J.M., LYSAKER, P.H. (2010): “Health and adaptation in a multiple self: The role of absence of dialogue and poor metacognition in clinical populations”, *Theory & Psychology*, 20, pp. 379–399.
- FROMM, Er. (1941): *Escape from freedom*. Holt, Rinehart and Winston: New York. 305 p.
- DYURKGEJM E. (1914): “Sociologiya i teoriya pozvaniya” (“Sociology and the theory of knowledge”), *Novye idei v sociologii (New ideas in sociology)*, 2, pp. 27–67.
- GAL'PERIN, P.YA. (1999): “*Vvedenie v psihologiyu*” (“*Introduction to Psychology*”). Moscow, 332 p.
- JANET, P. (1963): *L'Intelligence avant le langage*. Paris, Flammarion, Bibliothèque de philosophie scientifique. 292 p.
- LEONT'EV, A.N. (1972): “*Problemy razvitiya psihiki*” (“*Problems of the development of the psyche*”). Moscow, 576 p.
- MARKS, K., ENGEL'S, F. (1961) “*Сочинения*” (“*Writings*”). V. 25, p. 1. Moscow, 554 p.
- NEKIPELOVA, I.M. (2013): “Konvergenciya i divergenciya sub"ektivnyh yazykov i ih statisticheskoe raspredelenie v formirovanii ob"ektivnogo yazyka” (“Convergence and divergence of subjective languages and their statistical distribution in the formation of an objective language”), *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki (Philological Sciences. Questions of Theory and Practice)*, 4 (23), I, pp. 123–126.
- NEKIPELOVA, I.M. (2015): “Yazyk i rech': rost i istinnost' informacii” (“Language and Speech: The Growth and Truth of Information”), *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki (Philological Sciences. Questions of Theory and Practice)*, 2015, 2 (44), I, pp. 146–148.

- NEKIPELOVA, I.M. (2021): “Sootnoshenie mnogoznachnyh slov izuchaemogo i rodnogo yazykov kak osobyj sluchaj yazykovej interiorizacii” (The ratio of multi-valued words of the studied and native languages as a special case of linguistic interiorization), *Ruski jezik u digitalnom okruženju u vrijeme pandemije / Urednica Irena Mikulaco. Iz-davač: Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Hrvatska, Pula, c. 541-529.*
- PISHCHAL'NIKOVA, V.A. (2010): “*Sovremennye paradigmy yazykoznanija*” (“*Modern paradigms of linguistics*”). Moscow, 172 p.
- PUSHKARYOVA, T.V. (2015): “Problema interiorizacii znanij v psihologo-pedagogičeskoj nauke” (“The problem of the interiorization of knowledge in psychological and pedagogical science”), *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya (Modern problems of science and education), 1-1*, pp. 35–45.
- SHOTTER, Dzh. (1996): “Bahtin M.M., Vygotskij L.S.: interiorizacija kak «fenomen granicy»” (“Bakhtin M.M., Vygotsky L.S.: Interiorization as a border phenomenon”), *Voprosy psihologii (Questions of Psychology), 6*, pp. 107–117.
- SHVARKO, L.I. (2014): “Psiholingvističeskie faktory, opredelyayushchie ponimanie inokul'turnogo teksta” (“Psycholinguistic factors determining the understanding of a non-cultural text”), pp. 93–97.
- SOROKIN, YU.A. (1994): “Lakuny i process modelirovaniya obraza etničeskoj kul'tury i psihologii” (“Lacunae and the process of modeling the image of ethnic culture and psychology”), *Materialy X vsrossijskogo simpoziuma po psiholingvistike i teorii kommunikacii (Materials of the X All-Russian Symposium on Psycholinguistics and the Theory of Communication)*. Moscow, pp. 144–156.
- VYGOTSKIJ, L.S. (1960): “*Razvitie vysshih psihicheskikh funkcij*” (“*Development of higher mental functions*”). Moscow, 500 p.
- VYGOTSKIJ, L.S. (1982): “*Sobranie sočinenij*” (“*Collected works*”), 1. Moscow, 488 p.
- ZALEVSKAYA, A.A. (2005): “*Psiholingvističeskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy*” (“*Psycholinguistic studies. Word. Text: Selected works*”). Moscow, 542 p.